

Конференция по разоружению

18 February 2010
Russian

Окончательный отчет об одна тысяча сто семидесятом пленарном заседании,
состоявшемся во Дворце Наций, в Женеве, в четверг, 18 февраля 2010 года, в 10 ч. 10 м.

Председатель: г-н Михаил Хвостов..... (Беларусь)

Председатель: 1170-е пленарное заседание Конференции по разоружению объявляю открытым.

Прежде чем начать наши дела на сегодня, позвольте мне от имени Конференции и от себя лично приветствовать нашего нового коллегу, который принял обязанности в качестве представителя своего правительства на Конференции, а именно посла Австралии Питера Вулкотта. И от имени Конференции я хотел бы заверить его в нашем полном сотрудничестве и пожелать ему удачи на его новом поприще.

Предоставить слово на сегодняшнем пленарном заседании просят следующие делегации: Австралия и Пакистан. И в порядке поступления просьб я хотел бы предоставить сейчас слово послу Австралии его превосходительству Ричарду Вулкотту. Пожалуйста, Австралия, Вам слово.

Г-н Вулкотт (Австралия) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, поскольку я впервые выступаю в ходе вашего председательства, позвольте мне заверить вас в полной поддержке и сотрудничестве моей делегации.

Австралия рассматривает Конференцию по разоружению как единственный преимущественный многосторонний форум переговоров по разоружению. Изменение глобальной стратегической среды, напасть терроризма и угроза от распространения оружия массового уничтожения, в том числе со стороны негосударственных субъектов, требуют от нас удвоить усилия по поступательному продвижению в отношении повестки дня в сфере нераспространения, контроля над вооружениями и разоружения. Данная Конференция сулит обеспечить больше национальной безопасности для всех, когда мы работаем совместно.

Но мы очень уж долго не реализуем эту посулу. Мы ведем переговоры о том, следует ли вести переговоры, как вести переговоры, когда вести переговоры. И кое-кто квалифицирует это как "лунатизм".

Мы добились реального прорыва в 2009 году. Мы приняли программу работы, которая обеспечивает прочную основу для поступательного продвижения. Австралия рассматривает CD/1864 как мандат на поступательное продвижение и жалеет, что Конференции не представилась возможность, востребовав сформировавшуюся динамику, согласовать программу работы.

И вот сейчас стоит задача: согласовать программу работы на 2010 год и поступательно продвигаться к скорейшему осуществлению.

Диалог и консультации, которые мы проводим здесь, на Конференции, закладывают полезную почву для обмена идеями и подходами на тот счет, как разрешать разоруженческие проблемы. Но диалога тут недостаточно – нам нужно переходить к переговорам по договору. Чтобы Конференция по разоружению сохраняла свою первопроходческую роль в коллективных усилиях в связи с международной безопасностью и нераспространением оружия массового уничтожения, нам нужно работать совместно, практически и с четким акцентом.

Сохраняющийся тупик в работе Конференции трудно принять. Австралия и большинство государств, представленных на Конференции, хотят прогресса по своим солидарным разоруженческим приоритетам. И нам нужно вернуть Конференцию к работе.

Австралия призывает все делегации проявить гибкость и предпринять необходимые дополнительные шаги с целью достижения и осуществления программы работы в начале этого года. Многие проявляют лидерство в изыскании

гибкости. Австралия повторяет свою признательность послу Джазайри за его находчивость и дипломатическое искусство в обнаружении путей продвижения сессии 2009 года к программе работы. И нам нужно вновь сделать это. Мы рискуем столкнуться с тем, что применение воображения и гибкости с целью выхода из тупика на Конференции приведет к предложениям, которые шли бы в обход Конференции.

Австралия испытывает глубокую и всецелую приверженность ядерному разоружению. Выпуск в декабре 2009 года доклада Международной комиссии по ядерному нераспространению и разоружению явил собой перспективное заявление о том, что может быть сделано прямо сейчас, чтобы активировать разоруженческую повестку дня. Австралийское правительство активно рассматривает свои отклики на доклад, которые, как оно рассчитывает, будут широко идти в русле поддержки рекомендаций доклада. Мы рассчитываем на заинтересованную дискуссию здесь, на Конференции по разоружению, и на международные разоруженческие дебаты относительно идей и практических шагов, предлагаемых в докладе. И на переднем плане в этом комплексе практических шагов стоит возвращение Конференции по разоружению к работе.

Ближайшим австралийским разоруженческим и нераспространенческим приоритетом на Конференции по разоружению является скорейшее начало переговоров по договору о прекращении производства расщепляющегося материала (ДЗПРМ). Проверяемый договор о прекращении производства расщепляющегося материала сулит и разоруженческие, и нераспространенческие выгоды и снискал себе наибольшую поддержку в рамках Конференции.

Австралия сожалеет, что Конференция еще не начала переговоры по договору о прекращении производства расщепляющегося материала, несмотря на то, что такой договор неоднократно получает одобрение в качестве следующего логического шага в повестке дня по контролю над ядерными вооружениями и разоружению. ДЗПРМ ужесточил бы международный контроль над расщепляющимся материалом, еще больше повысив барьер к распространению. Австралия будет и впредь активно работать над принятием плана работы, который отводил бы приоритет переговорам по проверяемому ДЗПРМ на основе мандата Шеннона. Другие же проблемы, включая запасы расщепляющегося материала, относятся к числу вопросов, которые можно урегулировать в ходе переговоров.

Мы готовы включиться в предметную дискуссию по пунктам, включенным в CD/1864, относительно практических шагов в русле последовательных и систематических подходов с прицелом на сокращение, а в конечном счете и на ликвидацию ядерного оружия.

Австралия рассчитывает на конструктивную дискуссию по всем проблемам, относящимся к предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве, включая проект договора от 2008 года, внесенный Российской Федерацией и Китаем, о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве.

Австралия поддерживает текущие предметные дискуссии на Конференции по разоружению по негативным гарантиям безопасности. Австралия поддерживает рассмотрение дальнейших мер, но признает, что предложения в отношении любых таких мер должны быть способны снискать себе широкую поддержку, в том числе со стороны государств, обладающих ядерным оружием, чтобы работа была продуктивной.

Австралия рассчитывает на продолжение плодотворных консультаций в этом году на Конференции по разоружению по всему кругу проблем ее повестки дня. Австралия призывает всех членов Конференции продемонстрировать необходимую гибкость, с тем чтобы найти выход из нынешнего тупика и приступить к работе, которая имеет насущное значение для нашей общей безопасности.

Я желаю Конференции успехов и заверяю членов в полной поддержке и сотрудничестве моей делегации в их усилиях по достижению прогресса в работе Конференции в этом году.

Председатель: Я благодарю уважаемого представителя Австралии посла Питера Вулкотта за выступление и готовность сотрудничать с бюро Председателя.

Теперь я хотел бы предоставить слово уважаемому послу Пакистана его превосходительству г-ну Замиру Акраму. Пожалуйста, Пакистан, вам слово.

Г-н Акрам (Пакистан) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, я хочу вначале поздравить вас с принятием председательства на Конференции по разоружению. Я уверен, что под вашим умелым руководством мы добьемся значительного прогресса в нашей работе. Хочу заверить вас, что моя делегация будет в полной мере сотрудничать с вами.

Пользуясь возможностью, я хочу выразить нашу признательность и восхищение вашему предшественнику послу Бангладеш за сбалансированный, транспарентный и инклюзивный стиль, в каком он вел свое председательство. Я также хотел бы выразить теплые приветствия послу Австралии, и я рассчитываю на сотрудничество с ним.

Сегодня я хотел бы представить этому пленарному заседанию Конференции по разоружению обоснование пакистанской позиции по предлагаемому договору о прекращении производства расщепляющегося материала. Но прежде я хочу напомнить всем, что Конференция не работает в вакууме. Позиции, которые мы здесь занимаем, не могут быть оторваны или изолированы от реальностей превалирующей международной политической системы. Да и делегация не может реализовывать на данной Конференции ту или иную цель, которая была бы несовместима с политическими установками ее правительства за рамками данной Конференции.

Позвольте мне начать с самого начала.

В момент обретения пакистанской независимости спорное наследственное имущество унаследовали две крупнейшие страны Южной Азии. И это порочное наследие продолжает омрачать наши отношения даже сегодня. Оно порождает трения, подозрения и войны. Наши войска остаются в прямом противостоянии вдоль линии контроля.

Пакистану приходится соперничать с соседом, который намного превосходит его по размерам и численности населения, а также по обычным и стратегическим войскам. Соответственно высшим национальным интересом Пакистана является обеспечение нашей безопасности. И нам приходится реагировать не на намерения, а на потенциалы.

Отвергнув Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) как образчик "ядерного апартеида", наш сосед провел в 1974 году испытание ядерного оружия, которое было цинично названо мирным ядерным взрывом. И тем самым Южная Азия стал жертвой ядерного распространения.

Стоит напомнить, что это испытание ядерного оружия стало возможным в результате незаконного перенаправления отработанного топлива на цели ядерного оружия за счет мирного ядерного сотрудничества, предлагаемого по программе "Сайрус".

Для Пакистана это испытание породило качественно новый вызов нашей безопасности.

Но вот международную реакцию можно было бы квалифицировать в лучшем случае как половинчатую или направленную не по адресу. Один европейский постоянный член Совета Безопасности даже направил поздравительное послание. Другие же в частном порядке согласились, что надо принять эту реальность и следует активно сдерживать лишь дальнейшее распространение. Это привело к созданию Группы ядерных поставщиков (ГЯП) с эксплицитной целью удержать другие страны от приобретения ядерно-оружейных потенциалов. Страны ГЯП также приняли национальное законодательство с той же целью.

А между тем не было принято никаких эффективных мер с целью переломить ядерное распространение в Южной Азии.

Пакистан занимался поисками безопасности за счет двусторонних механизмов, а также международных и региональных мер. Они включали предложения о безъядерной зоне в Южной Азии, совместную декларацию об отказе от приобретения или производства ядерного оружия, взаимную инспекцию ядерных объектов друг друга, одновременное принятие ДНЯО или полномасштабных гарантий Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), двусторонний или региональный договор о запрещении ядерных испытаний, безракетную зону в Южной Азии и пакт о ненападении. В 1992 году мы также предложили конференцию пяти держав, с тем чтобы обсудить пути и средства установления у нас в регионе недискриминационного и справедливого режима, свободного от ядерного оружия. К сожалению, все эти предложения и инициативы были отвергнуты.

И поэтому Пакистану не оставалось ничего другого, кроме как развивать свой собственный ядерно-оружейный потенциал. Мы делали это в условиях произвольных дискриминационных санкций, которые применялись не против исполнителя ядерного распространения, а против жертвы.

Но даже тогда, когда мы добились ядерно-оружейного потенциала, мы сознательно решили не проводить испытания ядерного оружия в надежде избежать дальнейшей конфронтации. Однако в марте 1998 года события по ту сторону границы побудили наше руководство обратиться с письмом к лидерам постоянных членов Совета Безопасности с выражением наших опасений относительно приготовлений к проведению дальнейших ядерных испытаний. К сожалению, наши предупреждения не были услышаны. А 11 и 13 мая 1998 года на наших границах было проведено пять ядерных испытаний. И они сопровождались воинственными заявлениями и мрачными предупреждениями в адрес Пакистана.

Вся ирония состоит в том, что все вновь замкнулось на Пакистане: дабы он проявил сдержанность и не последовал этому примеру. И опять же, не было и намека на предметные действия к тому, чтобы переломить ядерное распространение у нас в регионе. Мы по достоинству оценили эту пустую риторику. И у нас не было иного выбора, кроме как пересечь ядерный порог путем проведения своих собственных испытаний, с тем чтобы обеспечить убедительность

нашего сдерживающего потенциала. Таким образом, наш ядерный потенциал обусловлен не престижными соображениями, а соображениями безопасности.

Важно напомнить о тогдашней реакции международного сообщества на эти события в Южной Азии, ибо это имеет отношение к той ситуации, с которой мы сталкиваемся сегодня.

Совет Безопасности Организации Объединенных Наций принял резолюцию 1172 (1998), в пункте 8 которой он "призывает все государства не допускать экспорта оборудования, материалов и технологии, которые каким-либо образом могли бы способствовать осуществлению в [этих странах] программ в области ядерного оружия или баллистических ракет...".

В пункте 11 этой же резолюции Совет Безопасности "выражает свою твердую убежденность в том, что международный режим нераспространения ядерного оружия следует сохранять и укреплять".

Вдобавок к этой резолюции постоянные члены Совета Безопасности приняли 5 июня 1998 года, после ядерных испытаний в Южной Азии, совместное коммюнике. В этом коммюнике они обязались "тесно сотрудничать в неотложных усилиях по предотвращению гонки ядерных и ракетных вооружений на субконтиненте [и] укреплению режима нераспространения". Они также подтвердили "свою соответствующую политику предотвращения экспорта оборудования, материалов или технологии, которые каким-либо образом могли бы способствовать осуществлению [...] программ в области ядерного оружия или баллистических ракет, способных доставлять такое оружие".

На региональном уровне Пакистан предложил стабилизировать сложившееся ядерное сдерживание, внеся в октябре 1998 года предложение относительно режима стратегической сдержанности. Это предложение, которое все еще остается на столе, ратует за предотвращение дальнейших ядерных испытаний, увеличения производства боеголовок, пристыковки боеголовок к системам доставки и внедрения дестабилизирующих оружейных систем, таких как баллистические противоракеты и баллистические ракеты подводных лодок, и за достижение сбалансированных сокращений обычных вооруженных сил, а также за завязывание предметного диалога с прицелом на результаты в плане разрешения неурегулированных двусторонних споров. К сожалению, это предложение по-прежнему отвергается другой стороной.

Напротив, наш сосед объявил амбициозную ядерную доктрину, которая нацелена среди прочего на обретение ядерного арсенала в составе 400 ядерных боеприпасов. Она также рассчитана на триаду систем доставки, включая потенциалы воздушного, наземного и морского базирования, которые, кстати, были обретены. Вдобавок она нацелена на развертывание системы противоракетной обороны, разработку межконтинентальных баллистических ракет и приобретение атомных подводных лодок в качестве платформ для баллистических ракет. Как я покажу в своем выступлении, за счет международного сотрудничества с тем, кто обязывался не делать этого, уже достигнут значительный прогресс в реализации этих потенциалов.

При первоначальном рассмотрении проблемы расщепляющихся материалов на Конференции по разоружению в конце 1990-х годов Пакистан тогда кристально ясно изложил свою позицию. Мы не могли бы принять договор, который заморозил бы существующие асимметрии и дисбалансы в запасах расщепляющегося материала между Пакистаном и его соседом, который явно имел преимущество. Хотя мы не желаем конкурировать по принципу боеприпас в ответ на боеприпас, ибо наша стратегическая доктрина основана на минимальном

убедительном сдерживании, мы должны обеспечить, чтобы асимметрия не размывала убедительность нашего сдерживания. И как и десять лет назад, это остается нашей целью и сегодня.

И вот давайте быстренько перекинемся вперед, к нынешней ситуации. При реализации своих стратегических замыслов на основе сомнительной доктрины баланса сил или просто под влиянием жажды прибыли, кое-какие государства вступили с нашим соседом в соглашения о ядерном сотрудничестве в явное нарушение их международных обязательств, равно как и их национальных законов.

Рассмотрим сначала их обязательства по Договору о нераспространении ядерного оружия, к которым все они присоединились. Ясно, что такие соглашения о ядерном сотрудничестве нарушают их обязательства по статьям I, III и VI ДНЯО, а также по его шапке.

Чтобы доказать наш тезис, достаточно процитировать здесь статью I ДНЯО, которая гласит: "Каждое из государств – участников настоящего Договора, обладающих ядерным оружием, обязуется не передавать кому бы то ни было ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, а также контроль над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно...".

Не менее важное значение имеет и то обстоятельство, что этими соглашениями была грубо нарушена и резолюция 1172 Совета Безопасности, о которой я только что повествовал.

Кроме того, эти соглашения о ядерном сотрудничестве нарушают обязательства, взятые Группой ядерных поставщиков в составе 45 стран, несколько из которых присутствуют здесь и сегодня. Просто парадоксально, что ГЯП, которая была создана в ответ на первый акт ядерного распространения в Южной Азии в 1974 году и работает на основе консенсуса, дабы предотвратить дальнейшее распространение, единодушно решила вознаградить исполнителя такого распространения. С учетом правила консенсуса любая из этих 45 стран могла бы заблокировать это решение. А не сделали они это потому, что их корысть возобладали над их принципами, либо же просто-напросто потому, что им не достало мужества в том, что касается их убеждений.

Между тем кое-какие голоса в пустыне пытались высветить опасности такой политики. Решение ГЯП называли "черным днем в глобальных усилиях с целью остановить распространение оружия массового уничтожения". И эта цитата была почерпнута не из пакистанских источников, а у тогдашнего члена конгресса Соединенных Штатов Эллен Таучер. Она также заявила 8 сентября 2008 года, что "сделка затруднит обуздание южно-азиатской гонки ядерных вооружений".

Что еще интереснее, в публицистической статье в "Нью-Йорк таймс" от 20 августа 2008 года конгрессмен Таучер, вместе со своим коллегой Эдвардом Марки, пишет, что, раз ГЯП поддержала изъятие в отношении ядерного сотрудничества, "будет разорван и Договор о нераспространении", и у страны-получателя "производственный потенциал, вероятно, возрастет с семи бомб до сорока–пятидесяти, потому что каждый фунт урана, который ей разрешается импортировать для своих энергетических реакторов, высвобождает фунт урана для ее программы изготовления бомб". Более красноречиво та же самая статья далее гласит: "Поскольку изменения в этих международных правилах могут быть произведены только по единодушному согласию, каждая страна в ГЯП в составе 45 членов имеет возможность и обязанность настаивать, чтобы эта по-

рочная ядерная сделка была скорректирована и обеспечивала, чтобы ядерная торговля не могла обернуться к выгоде ядерно-оружейной программы страны-получателя". Еще более интересна рекомендация авторов на тот счет, что такая сделка должна предлагаться, только если страна-получатель соглашается на два предварительных условия: подписать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и согласиться прекратить производство ядерного материала оружейного назначения. Как мы знаем, ГЯП не стала настаивать на этих условиях. Она просто-напросто отмахнулась.

Позвольте мне процитировать еще одного эксперта по проблеме нераспространения – г-на Роберта Айнхорна, который заявил до введения изъятия со стороны ГЯП, что "сделка, похоже, дает сплошную свободу не только продолжать, но и расширять свое производство расщепляющегося материала для ядерного оружия".

Другой видный эксперт – бывший президент Соединенных Штатов Джимми Картер пишет в статье от 29 марта 2006 года, что "предлагаемая ядерная сделка являет собой еще один шаг к открытию ящика Пандоры в сфере ядерного распространения". А потом добавляет, что сделка могла бы позволить достаточно расщепляющегося материала ни много ни мало для 50 ядерных боезарядов в год, а это намного превышает то, что считается ее нынешним потенциалом.

В начале 2009 года с изменениями в руководстве одной из крупных держав и в кругах сторонников этой ядерной сделки появился лучик надежды, что озабоченности и сомнения по поводу соглашений о ядерном сотрудничестве приведет к сдержанности, которая воспрепятствует дальнейшей дестабилизации в Южной Азии. И по этой причине и несмотря на наши опасения, мы не блокировали принятие программы работы Конференции по разоружению в 2009 году.

К сожалению, наш оптимизм оказался недолговечным. Едва оказавшись в правительстве, несколько оппонентов сделки стали ее пылкими апологетами. Еще более зловещий характер носит то обстоятельство, что, как стало ясно в июне 2009 года, сделка была частью более широкого и опасного стратегического замысла. Она предполагала сотрудничество в разработке противоракетных систем, передачу космической технологии двойного назначения для межконтинентальных баллистических ракет, обеспечение атомных подводных лодок и развитие ракетно-баллистического потенциала подлодочного пуска, а также массовые продажи обычных вооружений последнего поколения на сумму в несколько миллиардов долларов.

В то же самое время за эту "кормушку" восторженно ухватились и другие постоянные члены Совета Безопасности, а также кое-кто из присутствующих в этом зале крикливых поборников нераспространения. Не далее как на прошлой неделе такое соглашение о ядерном сотрудничестве заключил один европейский постоянный член.

Как явствует из открытых источников информации, эти соглашения нацелены на то, чтобы предоставлять стране-получателю расщепляющийся материал по крайней мере в ближайшие 60 лет, наряду с обеспеченными или гарантированными поставками, чтобы помочь нарастить ее стратегический резерв расщепляющегося материала.

Весьма поучительно рассматривать складывающуюся ситуацию в ракурсе нейтрального наблюдателя, такого как американский эксперт по проблемам нераспространения Джордж Перкович, который недавно написал исследователь-

скую работу по поручению Международной комиссии по ядерному нераспространению и разоружению. Перкович доказывает, что ядерная сделка позволит значительно снизить издержки в рамках любого анализа затрат и выгод, производимого государством-получателем на тот счет, возобновлять ли ядерные испытания. Импортируемое топливо складировалось бы, чтобы подстраховаться от последствий санкций. Более того, он утверждает, что в рамках сделки из гарантийного механизма были изъяты восемь реакторов, объектов по обогащению урана и по переработке плутония, а также программа бридерного плутониевого реактора. Соответственно Перкович доказывает, что сделка ГЯП делает менее вероятной реализацию Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и ДЗПРМ.

Другой эксперт – основатель вашингтонского Стимсоновского центра Майкл Крепон утверждает в своей недавней статье, что сделка может принести гораздо больше вреда, чем пользы для двух существенных институтов, рассчитанных на предотвращение распространения. Первым является МАГАТЭ по причине его сильно ослабленных международных стандартов с целью оградить гражданские ядерные объекты от перенаправления материалов для изготовления бомб на военные программы. Вторым является ГЯП, потому что произведенное ею изъятие не сопровождается компенсационными шагами с целью подкрепить международные средства контроля против распространения, такие как присоединение к договору о запрещении дальнейших ядерных испытаний. Как заявляет Крепон, хуже того, ГЯП даже отказалась конкретизировать санкции на случай возобновления ядерных испытаний страной-получателем. Но самым важным из всех посланий для нас в этом зале является центральный аргумент Крепона, когда тот говорит: "Прискорбная жизненная правда состоит в том, что крупнейшими потенциальными барышниками в ядерной торговле оказываются постоянные члены Совета Безопасности, которым надо служить в качестве хранителя глобальной нераспространенческой системы. Ну а когда 'ядерная пятерка' ставит другие интересы, такие как извлечение барыша, выше распространенческих озабоченностей, то ядерные опасности будут только возрастать".

Карт-бланш, данный нашему соседу, вкупе с обязательствами по наращиванию его стратегических и конвенциональных потенциалов, поощряет его гегемонистские амбиции, которые нацелены на прокладку курса в духе опасного авантюризма, чьи последствия могут оказаться как непреднамеренными, так и неконтролируемыми. Это включает его апологетику ведения ограниченной войны под ядерным козырьком или на ядерном фоне, которая получила название доктрины "Холодный старт". Еще более опасный характер носит артикуляция так называемой "проактивной стратегии войны на предмет ведения войны со своими соседями одновременно на два фронта". Эта доктрина войны на два фронта идентифицирует пять стержневых направлений: способность вести войну на два фронта; оптимизированный потенциал по противодействию асимметричным и субконвенциональным угрозам; упрочение потенциалов для стратегической досягаемости и внезональных операций от Персидского залива до Малаккского пролива; обретение стратегических межконтинентальных и космических потенциалов и средств противоракетной обороны; и обретение технического преимущества над своими противниками.

Реализация таких агрессивных доктрин равносильна забвению опасных последствий авантюризма в ядерной среде. Это ставит Пакистан перед лицом явной и реальной опасности. И поэтому Национальное главнокомандование Пакистана – высший директивный орган по стратегическим вопросам, который возглавляется премьер-министром и включает соответствующих членов кабинета, а также начальников оборонных служб, внимательно отслеживает эти со-

бытия. На своем заседании 13 января 2010 года Главнокомандование заключило, что Пакистан не может предавать забвению эти события у нас по соседству и соответственно не будет поступаться своими интересами безопасности и повелительной необходимостью поддерживать убедительное минимальное сдерживания.

Что касается рассмотрения на Конференции по разоружению договора по расщепляющемуся материалу, то Национальное главнокомандование решило, что пакистанская позиция будет определяться его интересами национальной безопасности и целями стратегической стабильности в Южной Азии. Оно заключило, что Пакистан не будет поддерживать любой подход или меру, которые наносили бы ущерб его законному интересу национальной безопасности.

Теперь, когда я изложил вам международные и региональные события, которые прямо сказываются на национальной безопасности Пакистана, позвольте мне засвидетельствовать конкретные озабоченности, которые возникают у Пакистана в этой ситуации в контексте ДЗПРМ.

Во-первых, передача неограниченных количеств расщепляющихся материалов нашей соседней стране позволит ей наращивать свои стратегические резервы такого материала, что, в свою очередь, позволит ей перенаправлять свои собственные отечественные запасы расщепляющегося материала на оружейное производство. По ограничительным оценкам, она может производить 50–60 ядерных боеприпасов в год.

Во-вторых, поскольку подстраховочные механизмы в отношении сделки, которые были предусмотрены, не являются непогрешимыми, есть всяческая опасность того, что импортируемый расщепляющийся материал, предназначенный для гражданского использования, будет тайно перенаправляться на цели оружейного производства, как это делалось в прошлом. В такой ситуации ежегодное производство боеприпасов может составить ни много ни мало 100 ядерных боеголовок в год.

В-третьих, эта ситуация приведет к росту существующей асимметрии в запасах расщепляющегося материала между Пакистаном и нашим соседом, усугубив тем самым наши озабоченности по поводу безопасности в ракурсе поддержания убедительного потенциала сдерживания.

В-четвертых, предлагаемый ДЗПРМ запретит лишь будущее производство расщепляющегося материала и поэтому будет не разоруженческой а лишь нераспространенческой мерой. Как предусматривается, тут не будет ни сокращения запасов, ни включения расщепляющегося материала кроме высокообогащенного урана и оружейного плутония, дабы охватить другие материалы для изготовления бомб, такие как реакторный плутоний, U-233, нептуний и америций. Будет исключен даже расщепляющийся материал для морских двигательных установок, который может быть использован и в оружейных целях. В то же время меры проверки, которые, как предлагается, будут осуществляться МАГАТЭ, не будут носить всеобъемлющего характера, будут исключать инспекцию по запросу или доступ к чувствительным ядерным объектам, имеющим отношение к национальной безопасности. Соответственно такой договор будет носить селективный и дискриминационный характер и будет умалять цель ядерного разоружения. И вот по этим причинам он и неприемлем для Пакистана.

Прежде чем закончить, я хотел бы четко изложить позицию Пакистана по некоторым из проблем, которые до сих пор всплывали в ходе наших дискуссий.

Был выдвинут тезис, что нелогично ожидать прояснения проблем, связанных с ДЗПРМ, до начала переговоров, и что эти проблемы надлежит урегулировать в ходе переговоров. Для нас этот довод является приглашением к тому, чтобы, следуя в полной темноте, идти в тупик. Единственным результатом может стать роковой сговор. На наш взгляд, повелительно важно, чтобы мы априорно знали, насчет чего мы пытаемся вести переговоры: насчет ДЗПРМ, который является нераспространенческой мерой, или насчет договора по расщепляющемуся материалу, который является разоруженческой инициативой. Как только это прояснится, появится и возможность определить позиции по актуальным проблемам дефиниции, сферы охвата, запасов, проверки и вступления в силу.

Утверждается, что целью Конференции по разоружению не является защита или урегулирование забот государств-членов по поводу безопасности. А мы и не просим у Конференции о такой поддержке. Но мы утверждаем, что неверно и обратное. Конференция по разоружению не может ожидать, что государства-члены одобряют усилия, которые подрывают их безопасность. И вот поэтому-то Конференция и работает по принципу консенсуса.

Некоторые из наших коллег искренне утверждают, что в интересах Пакистана было бы как можно скорее заключить ДЗПРМ, с тем чтобы заморозить асимметрии в запасах. Я прошу их признать тот факт, что более крупный арсенал вкупе с потенциалом противоракетной обороны потребует, чтобы Пакистан обладал достаточно адекватным потенциалом, дабы обеспечить убедительное сдерживание, особенно в отсутствие надежных гарантий в отношении ядерных сделок в пользу нашего соседа.

Утверждается, что Пакистан изолирован в рамках Конференции по разоружению. Ну а это просто неправда. Большое число делегаций признают, что позиция Пакистана легитимна и оправданна и что его озабоченности нужно принимать во внимание. Есть также общее согласие с нашей последовательной позицией на тот счет, что Конференции по разоружению следует вести переговоры по договору о расщепляющемся материале как по разоруженческой мере, а не по ДЗПРМ как по нераспространенческому механизму. Во всяком случае, если придется, то мы готовы стоять на Конференции по разоружению в блестящей изоляции.

Некоторые делегации даже поговаривают о применении против Пакистана тактики нажима, включая "угрозу" забрать переговоры по ДЗПРМ у Конференции по разоружению. Я хотел бы почтительно напомнить своим коллегам, что Пакистан в нескольких случаях продемонстрировал свою решимость и способность выдерживать любой нажим ради своих национальных интересов. И мы будем и впредь так делать.

Мы также считаем, что Конференция по разоружению является единственным форумом для переговоров по разоруженческим соглашениям. И любая попытка забрать ДЗПРМ у Конференции будет бесплодным делом.

Из нашего взаимодействия в рамках и за рамками Конференции, нам ясно, что государства, обладающие ядерным оружием, стремятся заключить простой договор о прекращении производства в качестве нераспространенческой меры, а не договор о расщепляющемся материале в качестве разоруженческой меры. И хотя некоторые государства, не обладающие ядерным оружием, указывают, что они выступают за "включение" или "обсуждение" запасов в рамках предлагаемых переговоров, они не готовы настаивать или договариваться на-

счет сокращения запасов, что повелительно необходимо для договора по расщепляющемуся материалу.

Кроме того, предлагаемый ДЗПРМ будет просто идти в актив тем, кто уже объявил мораторий на производство расщепляющегося материала, и позволит им возвести нужду в добродетель. Для них такой договор обойдется без издержек, равно как и для тех, кто и так не производят расщепляющегося материала оружейного назначения. Так что остается три фактических государства, обладающих ядерным оружием: одно, которое всегда пользовалось особым статусом и будет и впредь им пользоваться; второе сейчас получает особую индულгенцию путем изъятия со стороны ГЯП; ну а третье, Пакистан, является единственным государством, которое в полной мере испытывает на себе эффект такого договора. Соответственно такой договор увековечит дискриминацию, которая осуществляется против Пакистана с 1974 года.

Тем государствам из числа постоянных членов Совета Безопасности, а также членам ГЯП, которые так красноречиво рассуждают о ДЗПРМ как об одном из столпов режима нераспространения и рассматривают начало переговоров по ДЗПРМ как критически важное для успеха предстоящей обзорной Конференции по ДНЯО, мы можем лишь сказать вот что: как раз эти-то страны и нарушают свои собственные национальные и международные обязательства, превращая тем самым в фарс ДНЯО и международный нераспространенческий режим. Потрясены сами основы этого режима, и их увещевания в его защиту звучат в пустоте. А думали ли они о своих обязательствах по ДНЯО, ГЯП и резолюции 1172 Совета Безопасности, когда они подписывали эти соглашения о ядерном сотрудничестве? Почему же они не высказывались в ГЯП, если они действительно верили в нераспространение? Поскольку ГЯП работает на основе консенсуса, они могли бы заблокировать ее решения. Так что ответственность за тупик в связи с ДЗПРМ несет не Пакистан, а как раз те страны – в силу их действий или бездействия. Ситуация в рамках и за рамками Конференции по разоружению вполне могла бы выглядеть иначе, не примись они так резвенько заключать эти соглашения о ядерном сотрудничестве, едва ли обращая внимание на императивы безопасности Пакистана.

В моем последнем комментарии позвольте мне сослаться на замечания, высказанные Генеральным секретарем Конференции по разоружению 11 февраля от имени Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. Мы разделяем его озабоченность и разочарование в связи с отсутствием прогресса на Конференции. В этом отношении мы просим его смотреть на вещи в более широком и долгосрочном ракурсе, а не фокусироваться лишь на недавнем прошлом. Застой на Конференции по разоружению – это не новый феномен. Данный форум оказывается не в состоянии добиться прогресса на протяжении последних 12 лет. И давайте не забывать о тех крупных державах, которые несут ответственность за эту долгую паузу. Давайте также не забывать те проблемы, по которым существует этот тупик. Давайте помнить, что некоторые делегации все еще не готовы к переговорам о юридически обязывающих договорах по ядерному разоружению, что является смыслом существования данной Конференции. Не готовы они и к переговорам по соглашениям о негативных гарантиях безопасности или о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве – по проблемам, которые стоят в повестке дня Конференции не одно десятилетие. Да и позвольте мне сказать, что они стали фигурировать в повестке дня Конференции задолго до того, как в нашу повестку дня был включен договор по расщепляющемуся материалу.

Пакистан по-прежнему готов включиться в предметные переговоры по ядерному разоружению, негативным гарантиям безопасности и предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве. На наш взгляд, для тупика в работе Конференции нет никаких оснований, даже если нет консенсуса по ДЗПРМ. И поэтому мы полагаем, что Конференция по разоружению может в наикратчайшие сроки начать предметную работу, например, по ядерному разоружению: эту цель мы все разделяем, и в связи с ней наблюдается рост поддержки. И мы готовы работать с вами в этом отношении.

Председатель: Я благодарю уважаемого посла Пакистана за добрые слова в адрес моего предшественника и в мой адрес, а также за детальное выступление по позиции своего правительства, которое он сделал.

В списке выступающих у меня значится также Норвегия, и я с удовольствием предоставляю сейчас слово представителю Норвегии. Пожалуйста.

Г-жа Скорпен (Норвегия) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, поскольку я впервые беру слово в ходе вашего председательства, позвольте мне заверить вас в полной поддержке и сотрудничестве моей делегации.

Сегодня я беру слово по случаю тридцатой ратификации Конвенции по кассетным боеприпасам, ибо 16 февраля свои ратификационные грамоты депонировали Буркина-Фасо и Республика Молдова. Это означает, что, в соответствии с положениями Конвенции, Конвенция вступит в силу 1 августа 2010 года, что закладывает почву для первого совещания государств-участников, которое состоится к концу этого года в Лаосской Народно-Демократической Республике.

Мы надеемся, что процесс Осло, который обернулся вступлением в силу Конвенции по кассетным боеприпасам спустя всего лишь два года после ее принятия, может вдохновить Конференцию по разоружению на поиск новых путей достижения прогресса, который так остро необходим.

Как все вы знаете, Конвенция по кассетным боеприпасам является результатом открытого дипломатического процесса, который включал государства, более 300 гуманитарных и правозащитных организаций в рамках Коалиции по кассетным боеприпасам, Международный комитет Красного Креста и Организацию Объединенных Наций. Этот процесс был развернут, когда группа государств согласовала в феврале 2007 года декларацию Осло, обязавшись "заключить к 2008 году юридически обязывающий международный инструмент, который запрещал бы применение и накопление кассетных боеприпасов, причиняющих неприемлемый вред гражданам, и обеспечивал адекватное попечение и реабилитацию выживших жертв и расчистку загрязненных районов".

Процесс переговоров по этому новому международному разоруженческому договору вне сложившихся органов является причиной для серьезной озабоченности в отношении того, как мы ведем свои дела здесь, на Конференции по разоружению, но и дает основания для вдохновения. Он доказывает, что при наличии достаточной политической воли есть возможность найти пути для достижения прогресса. Он доказывает, что нам не надо быть заложниками тех, кто хочет наименьшего.

Норвегия признает, что есть кое-какие кардинальные различия между повесткой дня ядерного разоружения и повесткой дня, которая привела к запрету на наземные мины и кассетные боеприпасы. Но тут есть и элементы сходства. Разоружение является инструментом упрочения международной, национальной

и человеческой безопасности для государств и для народов, независимо от повесток дня или органов, в рамках которых мы решили взаимодействовать.

Мы считаем, что и из процесса Осло, и из оттавского процесса можно извлечь ценные уроки, которые имеют значение и для других областей разоружения. Мы узнали, какие мощные альянсы могут быть созданы, когда правительства и гражданское общество работают вместе.

Нам известно, что, как полагают большинство стран, когда дело доходит до ядерного разоружения, насущное значение имеет консенсус. Норвегия не вполне убеждена в этом. Мы считаем, что можно было бы получить возможность разработать нормы против применения ядерного оружия и даже поставить его вне закона и без консенсусного решения, и в конечном счете такие нормы будут применяться на глобальной основе.

Вдобавок к аспектам безопасности и аспектам гуманитарного свойства разоружение тесно связано с развитием. Мы не можем предоставить ядерным государствам одним решать, когда им будет пора разделаться с этими вооружениями. Разрушительная мощь такого оружия, будь оно пущено в ход, затрагивала бы всех нас, а его угроза уже непрестанно задевает всех нас, и поэтому ядерное разоружение является делом каждого.

Многие традиционные переговорные органы, такие как Конференция по разоружению, оказываются не в состоянии включать соответствующие заинтересованные субъекты, такие как представители гражданского общества, обкрадывая нас тем самым в плане возможности воспользоваться их опытом и знаниями. И если только в разоруженческих процессах не будут принимать участие все заинтересованные субъекты, включая государства, Организацию Объединенных Наций и гражданское общество, то мы рискуем столкнуться с тем, что будущие переговоры будут беспредметны по отношению к заботам и нуждам людей.

Норвегия является активным субъектом и будет и впредь выступать с инициативами на всех региональных и международных форумах вместе с государствами, которые разделяют наше чаяние на достижение конкретных результатов.

В заключение я хотела бы повторить призыв, обращенный Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций 16 февраля ко всем государствам: безотлагательно стать участниками Конвенции по кассетным боеприпасам.

Председатель: Я благодарю уважаемого представителя Норвегии за выступление, и в частности за информацию, которой она поделилась с нами в отношении предстоящего вступления в силу Конвенции по кассетным боеприпасам.

Я вижу, что Индия хочет взять слово, и я с удовольствием предоставляю слово его превосходительству послу Индии. Пожалуйста.

Г-н Рао (Индия) (говорит по-английски): Г-н Председатель, у меня не было намерений выступать на пленарном заседании, но мы вынуждены попросить слово в связи с беспричинными и неосновательными замечаниями уважаемого представителя Пакистана.

Было бы лучше, если бы представитель Пакистана воздержался от высказывания комментариев по проблемам, которые являются посторонними для Конференции по разоружению. Конференция не является форумом для обсуждения двусторонних и региональных проблем, ибо ее основной мандат состоит

в том, чтобы концентрироваться на соглашениях глобальной применимости. Как мы четко заявили на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, Индия выступает против рассмотрения проблем региональной безопасности на Конференции по разоружению. Безупречная нераспространенческая летопись Индии снискала себе широкое признание. И в этом смысле я не намерен отвечать на беспочвенные замечания в заявлении представителя Пакистана.

В то время когда перед данной Конференцией стоят важные задачи, заявление нельзя не расценить как нецелесообразное. Мы настоятельно призываем пакистанскую делегацию избегать привнесения посторонних проблем в расчете на то, чтобы создать препятствия на пути Конференции по разоружению, в то время как та пытается приступить к серьезной и предметной работе. Собственно, мы хотели бы настоятельно призвать Пакистан быть на высоте своей решимости действовать ответственно и демонстрировать такую решимость путем присоединения к консенсусу по программе работы Конференции, которая позволила бы в кратчайшие сроки начать предметную работу, включая переговоры по ДЗПРМ, которые стали предметом консенсусной резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в декабре 2010 года.

Мы надеемся, что Конференция по разоружению в ближайшее время приступит к предметной работе.

Председатель: Я благодарю уважаемого посла Индии за выступление. Я вижу, посол Японии просит слово, и с удовольствием предоставляю ему эту возможность.

Г-н Суда (Япония) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, я очень тщательно выслушал важное заявление, сделанное нашим коллегой послом Акрамом относительно принципиальной позиции Пакистана в плане его забот в отношении национальной безопасности и позиции на Конференции по разоружению.

Моя делегация понимает ситуацию, в которой оказывается в настоящее время Пакистан в регионе. Мы, разумеется, имеем определенное понимание трудности Пакистана с их точки зрения. Они выдвинули много тезисов и аргументов, и я не думаю, что у нас есть время пройти по всем выдвинутым тезисам. Но есть, как мне думается, одна вещь, которую мне хотелось бы очень четко зафиксировать в отношении нашей позиции, которая отлична от того, что выразил посол Акрам: озабоченности, высказанные им относительно ДЗПРМ. Он сказал, что это служит лишь нераспространенческим целям, но я не думаю, что это правда. Это недопонимание. ДЗПРМ является критическим и незаменимым шагом в глобальных усилиях по ядерному разоружению. Его цель состоит в том, чтобы повсеместно в мире ограничить общий объем ядерных арсеналов и позволить дальнейшее сокращение общего количества в мире за счет различных средств и усилий.

Так что, заключив соглашение по ДЗПРМ, мы можем по крайней мере предотвратить наращивание ядерных арсеналов в регионе и в мире. Это критически важный шаг по содействию процессу дальнейшего ядерного разоружения, над чем усердно работает международное сообщество. И поэтому я надеюсь, что многие делегаты поймут, что это не только нераспространенческая мера, но и очень важный шаг с точки зрения ядерного разоружения в целом.

Председатель: Благодарю вас, уважаемый посол Японии. И я вижу, что посол Пакистана просит слово. Пожалуйста.

Г-н Акрам (Пакистан) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, у меня нет намерений вступать в дебаты или спор с моим добрым другом и коллегой послом Индии на этом форуме, да и за пределами этого форума.

Факты, которые я излагал в своем заявлении, говорят сами за себя. Я попытался привести факты, которые не исходят от Пакистана, а признаны как факты на международном уровне. Если эти факты можно оспорить, то я был бы рад узнать, что они неверны. Но время и опыт очень ясно показывают мне, что эти факты совершенно верны.

Мой друг доказывает, что Конференция по разоружению не является форумом для обсуждения или выдвижения проблем региональной безопасности. Как я уже однажды говорил в своем не сегодняшнем выступлении, когда мы так поднимаем эти проблемы в региональном порядке, нам говорят, что это не региональные заботы, что эти проблемы выходят за рамки региональной безопасности, и поэтому они не могут обсуждаться на двустороннем или региональном уровне. Я рассказал о региональных усилиях, которые мы предпринимаем в Пакистане, чтобы урегулировать эти проблемы на двустороннем и региональном уровнях.

Как бы то ни было, но факт остается фактом, что на этой Конференции мы не можем, как я сказал в самом начале своего выступления, предавать забвению то, что происходит вокруг нас в мире. Мы ведь не живем, как я тоже как-то говорил, в некоей стране чудес. Мы ведь не свихнутые шляпники из "Алисы в Стране Чудес". Мы имеем дело с реальными жизненными ситуациями; по крайней мере, моей делегации приходится иметь дело с реальными жизненными ситуациями. Так что это моя прерогатива поднимать наши озабоченности по поводу безопасности – или по крайней мере руководствоваться, вдохновляться нашими соображениями по поводу безопасности – на Конференции по разоружению, как и на других форумах, занимающихся проблемами безопасности. И поэтому мы будем делать это и впредь.

Что касается комментария моего друга посла Японии, то он видит это иначе, и я уважаю его мнение. Мой единственный тезис здесь состоит в том, что если ДЗПРМ действительно является разоруженческим шагом, то давайте договоримся, что мы попытаемся сократить запасы расщепляющегося материала. Давайте об этом договоримся. И вот если мы договоримся, то он становится разоруженческой инициативой. Ну а если мы лишь собираемся вести переговоры по соглашению, которое запрещало бы будущее производство и ничего не делало бы с существующими тысячами ядерных боеголовок, которые находятся в обладании некоторых из наших друзей в этом зале, то это не есть разоруженческая мера. Это просто мера, которая обеспечит отсутствие дальнейшего распространения, но не сделает ничего применительно к колоссальным существующим запасам оружия. Мы окажемся на ниве разоружения, только если мы согласимся сократить эти запасы. По крайней мере, таково мое понимание того, что означает разоружение, хотя я готов поучиться у моих друзей.

Председатель: Благодарю уважаемого посла Пакистана г-на Акрама за комментарий, который был сделан, и я хотел бы предоставить слово нашему Генеральному секретарю Конференции по разоружению его превосходительству г-ну Сергею Орджоникидзе. Пожалуйста.

Г-н Орджоникидзе (Генеральный секретарь Конференции по разоружению и личный представитель Генерального секретаря Организации Объединенных Наций на Конференции) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, я действительно очень озабочен тем, что происходит на Конференции, которая долж-

на заниматься стратегическими разоруженческими проблемами, которые являются первостепенной заботой для международного сообщества. Разумеется, я высказывался в качестве представителя Генерального секретаря Организации Объединенных Наций на этой Конференции, и Генеральный секретарь полностью разделяет мое мнение, что Конференция должна добиться большего прогресса.

Я признателен, как, вероятно, и многие из вас, послу Пакистана за изложение его озабоченностей, которые представляют собой стратегические заботы двустороннего характера. В то же время я хотел бы напомнить всем делегациям, что если вы посмотрите на мир за пределами этого зала, то многие страны, многие государства-члены, которые здесь присутствуют, тоже имеют те же самые стратегические озабоченности по отношению друг к другу по другим проблемам. Это могут быть озабоченности двусторонние, озабоченности многосторонние, озабоченности региональные или глобальные – все мы знаем, о чем мы говорим, – но в то же самое время эти страны, проявляя гибкость, сделали свои собственные определенные позиции достаточно гибкими, чтобы позволить Конференции двигаться вперед.

Мы ведь еще даже не начали рассматривать статью 1 любого договора или любого документа, и поэтому очень трудно представить себе, что программа работы, если она будет принята – а она должна быть принята, – будет как-то препятствовать стратегической безопасности любого государства-члена. Это ведь листок бумаги, это документ, который мы будем обсуждать дальше, но мы должны быть гибкими на Конференции по разоружению, ибо все мы имеем стратегические озабоченности. Эти озабоченности имеют разную природу, но в то же время мы должны быть достаточно гибкими, чтобы позволить Конференция начать процедуру, потому что если мы не постараемся, то мы так и не преуспеем. Если вы не попробуете какой-то вариант, вы так и не получите результата.

Негативная позиция некоторых делегаций, является, конечно, также выражением их собственной национальной позиции, и все понимают, что каждая делегация связана своими собственными инструкциями, и эти инструкции проистекают из озабоченности по поводу стратегической ситуации в мире.

Вот, быть может, вещи, которые вы пожелали бы иметь в виду: если мы не будем гибкими на Конференции, – а это подразумевает попытки найти способ произвести урегулирование или по крайней мере приблизиться к урегулированию этих стратегических разоруженческих проблем, – то мы не будем выполнять наш мандат в качестве Конференции по разоружению.

Председатель: Спасибо, г-н Генеральный секретарь, за ваше выступление, которое я считаю важным. И я вижу, что уважаемый посол Пакистана попросил слова. Пожалуйста.

Г-н Акрам (Пакистан) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, я не хочу ввязываться в дискуссию о том, может ли секретариат или представитель Генерального секретаря на Конференции высказывать такого рода замечания, что он высказал. Эту проблему мы можем обсудить в другой раз. У меня есть сомнения на этот счет. Во всяком случае, принимая его замечания по нарицательной стоимости, я с вашего позволения напомню ему, а в его лице и его коллегам, что нельзя применять неравные стандарты или проявлять селективность, когда вы просите страны быть гибкими.

Пакистан можно обвинять в негибкости, если хотите, пожалуй, с мая 2009 года. Ну а как насчет негибкости стран, которые чинили проволочки, да в

сущности, и создавали тупиковую ситуацию на этой Конференции на протяжении 12 лет? Я не слышу, чтобы представитель Генерального секретаря ссылаясь на этот период. Мы говорим о 12 месяцах, и мы слышим нравоучение о необходимости гибкости на протяжении 12 месяцев, да тут еще нет и 12 месяцев. Но вот я ничего не слышу о 12 годах. Это тезис первый.

Тезис второй: неужели же у нас в повестке дня есть только ДЗПРМ? Неужели же мы находимся здесь ради переговоров по договору о прекращении производства расщепляющегося материала? Задолго до того, как в эту повестку дня вошел ДЗПРМ, тут были и другие пункты, и они все еще фигурируют у нас в повестке дня. Так почему же мы не добиваемся прогресса по этим пунктам и почему мы не просим страны, которые блокируют прогресс по этим пунктам, проявить гибкость? Почему мы должны обсуждать только ДЗПРМ? Давайте проведем переговоры по договорам о ядерном разоружении. Давайте проведем переговоры по договорам о негативных гарантиях безопасности. Давайте проведем переговоры по договорам о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве. Кто это стопорит? Уж не моя страна. Как я уже говорил не раз, мы готовы. Почему мы не можем продвигаться по ним? И если мы таки продвинемся даже по одному из них, то Конференции по разоружению может начать предметную работу. Так кто же блокирует прогресс в этом отношении?

Так что я прошу представителя Генерального секретаря быть более сбалансированным в своих воззрениях, когда он говорит о гибкости.

Председатель: Спасибо, г-н посол. И я хотел бы дать слово Генеральному секретарю нашей Конференции.

Г-н Орджоникидзе (Генеральный секретарь Конференции по разоружению и личный представитель Генерального секретаря Организации Объединенных Наций на Конференции) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, я хотел бы напомнить всем, что как представитель Генерального секретаря я в любом из своих выступлений здесь, на Конференции по разоружению, вообще не упоминал никакую страну. Я даже не упомянул тему повестки дня Конференции по разоружению. Я лишь упомянул необходимость для Конференции по разоружению двигаться быстро, проявить гибкость, чтобы одобрить свою программу работы и идти вперед по стратегическим проблемам ядерного разоружения. Любое другое толкование, как мне думается, было бы неверным толкованием желания Организации Объединенных Наций, чтобы Конференция по разоружению двигалась вперед.

Председатель: Спасибо, г-н Генеральный секретарь, за ваше пояснение. И я хочу предоставить слово уважаемому послу Германии. Пожалуйста.

Г-н Гоффманн (Германия) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, я с большим интересом выслушал заявления, сделанные сегодня утром, и, конечно, нам придется изучить их детально. Но вот представляет интерес вопрос: должна ли Конференция по разоружению заниматься региональными проблемами в этом контексте. Как мне думается, пока я скорее агностик на этот счет, но, как мне думается, само собой разумеется, что, прослушав просто эти заявления, можно видеть, что многие проблемы связаны друг с другом, и в этом смысле мне думается, что нам важно попытаться понять, в чем состоят эти проблемы, и, так сказать, расчистить атмосферу. Поэтому я подтверждаю позицию, которую я принял здесь до заседаний и неофициальных совещаний: в принципе всегда хорошо провести открытые и транспарентные дебаты, чтобы понять, где мы находимся и из чего исходят люди и из чего исходят государства.

Я хотел бы высказать два тезиса: во-первых, поддержать уважаемого посла Японии в том, что он сказал. Мы тоже считаем, что ДЗПРМ явно имеет разоруженческую подоплеку, а не только нераспространенческое измерение. Мы бы предложили использовать старый английский способ подачи проблемы: чтобы узнать, хорош ли пудинг, надо его попробовать.

И это подводит меня прямо ко второму тезису, который я хотел бы высказать, т.е. я бы не мог согласиться с уважаемым представителем Пакистана по одному кардинальному процедурному пункту, т.е. с позицией Пакистана по вопросу о том, правильно ли открывать переговоры по этой сложной проблеме. Нам все же трудно понять, почему государство-член так сдержанно относится к вступлению в переговоры.

Я понимаю их трудности в интеллектуальном ракурсе. Я стараюсь следовать логике их рассуждений, но мне все же думается, что все эти моменты можно проработать на переговорах, и ведь в истории это не первый случай, когда переговоры начинаются с позиций, которые очень далеки друг от друга.

Поскольку я выходец из Германии, это напоминает мне об очень трудных переговорах, которые восходят к концу 1960-х и началу 1970-х годов, а именно по Четырехстороннему соглашению по Берлину. Я был тогда студентом политологии, и меня это интересовало. Все говорили, что в рамках Четырехстороннего соглашения достичь согласия по статусу Берлина практически невозможно, и если бы участвующие стороны этих переговоров настаивали на том, чтобы заранее прояснить цель этих переговоров, то, боюсь, им так и не удалось бы достичь чего-нибудь. Так что, используя это в качестве одного из многих примеров, я думаю, что тут важно вступить в переговоры.

Это побуждает меня также сказать, что я очень поддерживаю то, что только что сказал в своем выступлении Генеральный секретарь Конференции. Я думаю, что часть его работы и его обязанность состоят в том, чтобы призывать все государства-члены включиться в переговоры. Это как раз то, ради чего мы здесь находимся: реально двигаться вперед и делать здесь свою работу.

Наконец, я слышал тезисы и по другим проблемам, которые долгое время фигурируют в повестке дня данного форума, и на неофициальных консультациях, которые проходили у нас на прошлой неделе, я сказал, что моя делегация не ведет дело к тому, что не надо вести переговоры по тому или другому вопросу, ибо, как я уже говорил, мы в принципе считаем, что свои позиции нам следует продвигать и отстаивать на переговорах.

И тут возникает сопряженный с этим практический вопрос, равно как и сопряженный с этим политический вопрос. Практический вопрос: как много может сделать этот орган в одно и то же время? А политический вопрос состоит вот в чем: всегда ведь ведут речь о том, что созрело для переговоров, и мне думается, что есть определенная внутренняя логика в словах о том, что после ДНЯО и Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний имеет смысл урегулировать проблему расщепляющегося материала, и тут можно оставить открытым то, что это повлечет за собой на переговорах. Ясно, что имеет место весьма широкая готовность международного сообщества, собственно, сделать как раз это, и в таких обстоятельствах, прежде чем вставать на пути этого, надо, как мне думается, очень и очень подумать.

Председатель: Спасибо, г-н посол, за ваше выступление. Есть ли еще желающие выступить?

Я не вижу таковых, но, прежде чем закрыть заседание, я позволю себе рассказать вам одну историю, которую я слышал от замечательного человека и опытного дипломата посла Норвегии Мартина Хасельда.

В начале 1980-х годов он возглавлял один из органов шестой сессии Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию. Работа в этом органе не ладилась, и, прежде чем начать заседание, он рассказывал нам истории из своей жизни и истории своей страны. И я бы хотел одну из них рассказать вам.

История эта звучит следующим образом. Идет норвежский крестьянин по дороге, и навстречу ему идет молодой человек. Молодой человек спрашивает:

– Не могли бы Вы сказать, который сейчас час?

Крестьянин хотел посмотреть на часы, но начал размышлять: «Если я скажу молодому человеку, который сейчас час, он будет мне обязан. Если он будет мне обязан, он захочет прийти ко мне домой и отблагодарить меня. Если он придет ко мне домой, чтобы отблагодарить меня, он увидит, что у меня есть молодая дочь. Если он увидит, что у меня есть молодая дочь, он захочет, возможно, попросить ее руки. И что мне делать в этой ситуации? Я же не могу отдать свою дочь за молодого человека, у которого нет даже часов. Лучше я ему скажу, что у меня нет часов».

На мой взгляд, поучительна эта история тем, что настороженность, которую мы проявляем во внешних делах, не всегда благоприятна для наших народов.

Возвращаясь к этой истории... Самой счастливой стороной в этой истории могла бы быть сама семья крестьянина. Дочь – от того, что смогла бы выйти замуж, а мать – от того, что дочь наконец-то вышла замуж.

На этой ноте я хотел бы закрыть наше пленарное заседание, сказав, что следующее пленарное заседание состоится в следующий четверг в 10 ч. 00 м.

Время до пленарного заседания я хотел бы потратить на более широкие консультации и анализ того, что у нас происходит, в том числе и сегодняшнего обсуждения.

Но прежде чем закрыть наше заседание, я хотел бы пожелать вам приятных выходных и напомнить о том, что нам постоянно напоминает наш Генеральный секретарь, в том числе 11 февраля и сегодня. У нас должен быть прогресс на Конференции.

Заседание закрывается в 11 ч. 30 м.